

УДК 343.4

5.1.4 Уголовно-правовые науки

Рубрика: «Уголовное право и особенности квалификации преступлений»

Ларионова Екатерина Александровна, старший инспектор факультета заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России» (400075, г. Волгоград, ул. Историческая, 130); e-mail: katyakharchenkoo@gmail.com

ORCID: 0009-0000-1830-2363

Кочубей Андрей Владиславович, кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ВИУ РАНХиГС (г. Волгоград) (400005, г. Волгоград, ул. им. Гагарина, 8); e-mail: krimtehnika@mail.ru

Правовое понятие кибербуллинга

Аннотация.

Введение. К киберпреступлениям в России относятся не только компьютерные атаки, дистанционные хищения денежных средств, но и интернет травля – «кибербуллинг». В российском законодательстве существуют нормативные правовые акты, которые содержат в себе отдельные положения, позволяющие применять их в регулировании данных противоправных деяний. Однако в настоящее время в них отсутствует конкретное юридическое определение понятия «кибербуллинг», а также не предусмотрены специализированные законы, направленные на регулирование явления интернет-травли. В работе рассматривается интерпретация кибербуллинга, как правового понятия, истоки возникновения, классификация, критерии, характерные для интернет-травли, объективное и субъективное значение понятия, юридические границы понятия.

Методы. В качестве методологической основы использованы анализ практических исследований, связанных с кибертравлей, сравнительно-правовой метод, позволяющий сравнить особенности привлечения к ответственности за противоправные деяния в информационном пространстве.

Результаты. По мнению авторов, на основе анализа этимологии, критериев и видов кибербуллинга, правовое понятие термина можно сформулировать как действия, совершенные анонимно или публично в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая интернет, направленные на систематическое психологическое издевательство над жертвой посредством сообщений, содержащих угрозы, оскорбления; публикаций (угрозы публикаций) сведений, порочащих честь и достоинство жертвы, в том числе при помощи незаконного завладения ее персональными данными; социального бойкотирования; преследований и угрозы физического насилия; повлекшее угнетенное психологическое состояние или появление психических расстройств у пострадавшего.

В рамках борьбы с кибертравлей некоторые развитые зарубежные страны внедряют правовые нормы, регламентирующие вопросы кибербуллинга. Необходимость правового регулирования интернет-травли в Российской Федерации также обусловлена тем, что основными жертвами интернет-травли становятся лица, не достигшие совершеннолетнего возраста.

Нормативный правовой акт по противодействию кибербуллингу позволит охватить все специфические особенности травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и юридически защитить участников коммуникации в сети интернет от киберагрессии.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, интернет-травля, киберпреступления, кибербуллер, киберагрессор, информационные технологии, травля с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

UDC 343.4

5.1.4 Criminal Law Sciences

Category: "Criminal law and the specifics of the qualification of crimes"

Ekaterina Alexandrovna Larionova, Senior Inspector of the Faculty of Distance Learning, Retraining and Advanced Training of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (400075, Volgograd, Historichesky str., 130); e-mail: katyakharchenkoo@gmail.com

ORCID: 0009-0000-1830-2363

Kochubey Andrey Vladislavovich, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the VIU RANEPА (Volgograd) (Gagarin str., 8, 400005, Volgograd); e-mail: ugolov-vlgr@ranepa.ru

The legal concept of cyberbullying

Abstract.

Introduction. Cybercrimes in Russia include not only computer attacks, remote theft of funds, but also Internet harassment – "cyberbullying". There are regulatory legal acts in Russian legislation that contain separate provisions that allow them to be applied in regulating these illegal acts. However, they currently lack a specific legal definition of the concept of "cyberbullying", and also do not provide for specialized laws aimed at regulating the phenomenon of Internet bullying. The paper examines the interpretation of cyberbullying as a legal concept, the origins, classification, criteria characteristic of Internet bullying, the objective and subjective meaning of the concept, the legal boundaries of the concept.

Methods. As a methodological basis, the analysis of practical research related to cyber-bullying, a comparative legal method that allows comparing the features of bringing to justice for illegal acts in the information space, is used.

Results. According to the authors, based on the analysis of the etymology, criteria and types of cyberbullying, the legal concept of the term can be formulated as actions committed anonymously or publicly in public information and telecommunications networks, including the Internet, aimed at systematic psychological bullying of the victim through messages containing threats, insults; publications (threats of publications) of information discrediting the honor and dignity of the victim, including through the illegal seizure of her personal data; social boycotting; harassment and threats of physical violence; resulting in a depressed psychological state or the appearance of mental disorders in the victim.

As part of the fight against cyber bullying, some developed foreign countries are introducing legal norms regulating cyberbullying issues. The need for legal regulation of Internet bullying in the Russian Federation is also due to the fact that the main victims of Internet bullying are persons under the age of majority.

The regulatory legal act on countering cyberbullying will cover all the specific features of harassment using information and telecommunications networks and legally protect participants in communication on the Internet from cyber aggression.

Keywords: bullying, cyberbullying, Internet bullying, cybercrime, cyberbullying, cyber aggressor, information technology, bullying using information and telecommunication networks.

Введение. Развитие информационных технологий не только влияет на прогресс и ведет к оптимизации процессов повседневной жизни общества и государства, но и является новым направлением для противоправных деяний. Согласно данным Следственного комитета Российской Федерации: «в 2022 году в России было зафиксировано около 510 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, к примеру в 2014 году количество данных преступлений не превышало 10 тысяч, что в 50 раз меньше». В 2023 году, согласно данным МВД России, каждое третье преступление совершено с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Такого рода уголовно наказуемых деяний зарегистрировано на 29,7% больше, чем за аналогичный период 2022 года. Рост количества совершаемых преступлений в информационно-телекоммуникационной сети обуславливает необходимость правового регулирования и доработки некоторых законодательных актов, включение новых юридических терминов и понятий. Рост числа киберпреступлений, в том числе и такого явления, как кибербуллинг подчеркивает актуальность темы и ее новизну.

К киберпреступлениям в России относятся не только компьютерные атаки, дистанционные хищения денежных средств, но и интернет травля – «кибербуллинг». В российском законодательстве существуют нормативные правовые акты, которые содержат в себе отдельные положения, позволяющие применять их в регулировании данных противоправных деяний. Однако в настоящее время в них отсутствует конкретное юридическое определение понятия «кибербуллинг», а также не предусмотрены специализированные законы, направленные на регулирование явления интернет-травли. Вследствие этого возникают проблемы интерпретации и классификации кибербуллинга, появляются разногласия при регулировании правоотношений в сфере травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и правовой оценки такого понятия [1, с. 13].

Новизна исследования заключается в анализе правового понятия кибербуллинга и его особенностей в контексте российского законодательства. Несмотря на актуальность проблемы, связанной с кибербуллингом и активного изучения данного явления отечественными и зарубежными авторами в последние годы в рамках психологии, социологии и юриспруденции, до сих пор не было проведено комплексного исследования правового понятия кибербуллинга с учётом специфики российского законодательства.

Методы. В целях поиска дефиниции правового понятия кибербуллинга авторами был проведен анализ интерпретации термина в словарях Оксфорда, Кембриджа, изучено толкование определения, предложенное некоторыми исследователями, рассмотрена этимология понятия. Согласно Оксфордскому английскому словарю, самое раннее известное использование существительного кибербуллинг относится к 1990-м годам и образуется в английском языке путем сложения слов «относящиеся к компьютерной культуре» и «травля». Кэмбриджский словарь расшифровывает понятие кибербуллинга, как «использование интернета с целью причинения вреда человеку путем отправки ему неприятных сообщений». В русском языке данный термин соотносим «интернет-травле» или «интернет-запугиванию».

Официальное определение «буллинга», согласно Anti-Bullying Alliance, включает «повторяющееся намеренное причинение вреда одному человеку или группе лиц другой личностью или группой, где отношения характеризуются дисбалансом власти. Буллинг может проявляться физически, вербально или психологически».

Что касается термина «кибербуллинг», наиболее емкую интерпретацию понятия в своем исследовании представил И.С. Стукало: «кибербуллинг – это отдельное направление травли, определяемое как преднамеренные агрессивные действия, осуществляемые систематически на протяжении определенного времени группой или индивидом с использованием

электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя защитить» [2, с. 219].

«Кибербуллинг, как и буллинг, продолжителен по времени, использует принуждение, запугивание, вымогательство в качестве инструмента агрессии. Отличается же кибербуллинг от буллинга тем, что для первого используются средства массовой коммуникации: мобильные телефоны, компьютеры и прочие гаджеты с доступом в интернет».

В Российской Федерации имеется попытка толкования понятия кибербуллинг. Так в письме Минобрнауки России от 14.05.2018 № 08- 1184, под кибербуллингом понимается «преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов» [1, с. 13].

Результаты. Примечательно, что в словарях Кембриджа и Оксфорда термин буллинг и кибербуллинг применим именно к обучающимся в школах и колледжах, что косвенно указывает на то, что кибербуллинг оказывает наибольшее негативное воздействие именно на лиц несовершеннолетнего возраста. В конце 1960-х годов в Швеции тема буллинга впервые была изучена школьным врачом П.-П. Хайнеманном через призму расовой дискриминации среди учеников [3, с. 17-19]. Однако, заслуги в введении и развитии понятия буллинга часто приписываются шведскому психологу Дену Ольвеусу. Он не только провел значимые исследования в этой области, но и разработал программу предотвращения буллинга под названием Программа профилактики буллинга Ольвеуса (Olweus Bullying Prevention Program (OBPP)), предназначенную для применения в начальных и средних школах. Эта программа способствует снижению риска возникновения буллинга среди учащихся [4, с. 377-401].

Ключевым вкладом Д. Ольвеуса является адаптация критериев, применяемых к традиционному буллингу для анализа кибербуллинга. Эти критерии включают намеренность, повторность и дисбаланс власти, что

позволяет более глубоко понять и эффективно противодействовать как традиционному, так и цифровому формам издевательства [5, с. 495–510].

Намеренность подразумевает целенаправленный акт агрессии по отношению к жертве. Повторение является критерием, по которому единичный акт виртуального нападения еще не является травлей и недостаточен для причинения существенного вреда потерпевшей стороне. Дисбаланс власти между агрессором и жертвой в контексте буллинга означает, что один участник взаимодействия имеет значительное преимущество или контроль, что позволяет ему доминировать, наносить вред или оказывать негативное влияние без соответствующего сопротивления или защиты со стороны другого участника. В случае кибербуллинга эти характеристики приобретают особую форму, поскольку присутствуют уникальные критерии, такие как анонимность и противопоставление публичного частному. Анонимность является ключевой особенностью кибербуллинга, предполагая, что агрессор может действовать без страха последствий, эксплуатируя свою безнаказанность для нападения на беззащитную жертву [6, с. 55]. Для кибербуллинга характерно, что «нападающий» или «буллер» не всегда выбирает в качестве объекта издевательств ранее известную ему жертву, также может быть выбрана ситуативно-случайная жертва, т.е. она не была изначально предопределена для агрессора, а он нашел ее, например, на просторах интернета. Различие между публичной и частной формами травли заключается в том, что ущерб, нанесенный в результате индивидуального унижения в рамках традиционной формы буллинга, субъективно воспринимается как менее серьезный по сравнению с публичной травлей, которая происходит на глазах у большого числа людей, например, в интернет-среде [7]. Согласно данным Американской психологической ассоциации «кибербуллинг может произойти где угодно, где есть подключение к интернету, что подразумевает отсутствие территориальной локации травли и места безопасности для

жертвы». Таким образом, для кибербуллинга характерны следующие критерии:

- намеренность;
- повторение;
- дисбаланс власти;
- анонимность;
- противопоставление публичного и частного;
- отсутствие ограничений по месту и времени посягательств;

Исследования показали, что различные типы кибербуллинга могут быть дифференцированы в зависимости от таких аспектов, как скрытый или явный характер действий, травля с помощью электронных устройств, используемых для запугивания. Письменно-устные включают действия, использующие письменную или устную форму травли (например, телефонные звонки, текстовые сообщения и электронные письма). Визуальные атаки включают в себя использование визуальных форм травли (например, размещение компрометирующих изображений). К более сложным атакам также можно отнести получение личных данных и раскрытие частной информации с использованием учетной записи другого человека.

Не только в отечественных, но и зарубежных источниках отсутствует официальная классификация видов кибербуллинга. Однако принято считать, что к интернет-травле относятся:

- Троллинг – это форма общения, характеризующаяся провокационным стилем, издевательскими высказываниями и грубыми замечаниями, направленными на вызов или обиду других пользователей.

- Хейтинг – представляет собой поток негативных комментариев, содержащих оскорбления и иррациональную критику, целью которых является подрыв репутации или достоинства целевого лица или группы.

- Аутинг – это действие, связанное с неправомерным разглашением личных данных без согласия владельца этих данных или угрозой такого действия, что может привести к нарушению приватности и безопасности.

- Фрейпинг – это процесс получения незаконного контроля над аккаунтом жертвы (зачастую с последующей публикацией информации, порочащей честь и достоинство владельца аккаунта).

- Флейминг – открытая агрессивная ссора, впоследствии перерастающая в перепалку и включающая в себя многих людей [8, с. 101].

- Киберсталкинг – охватывает преследование и угрозы физического насилия, направленные на конкретную цель без ее согласия.

- Гриффинг – это специализированный вид сталкинга, направленный на преследование и угрозы игрокам в онлайн-играх, что нарушает правила игры.

- Диссинг – передача или публикация порочащей информации о жертве в режиме онлайн (в отличие от аутинга, диссинг – это распространение информации, которая может опорочить человека. В оффлайне диссинг обычно существует в форме сплетен и слухов. При травле в соцсетях к нему добавляется создание «фотожаб», оскорбительных мемов, сфабрикованных текстов сообщений, скриншотов с недостоверной информацией).

- Кетфишинг – воссоздание профиля жертвы при помощи воровства его фотографий и личных данных, размещения с его страницы неблагоприятного контента (в отличие фрейминга, этот вид буллинга в интернете не требует сложных манипуляций - для этого достаточно иметь минимум доступной информации. Сложность борьбы с кетфишингом в том, что его не всегда можно вовремя отследить); [9, с. 87]

- Секстинг – это распространение интимных фотографий (или угроза их распространения) без согласия владельца изображений [10, с. 153].

При поиске правового понятия кибербуллинга необходимо учитывать объективное и субъективное значение термина. Согласно исследованиям платформы VK и компанией UXSSR: «57% ответственных пользователей социальных сетей сталкивались с кибербуллингом, однако реальные

негативные последствия отразились не на всех респондентах, участвовавших в опросе».

С объективной точки зрения кибербуллинг подразумевает умышленный и повторяющийся вред, причиняемый с помощью компьютеров, сотовых телефонов и других электронных устройств. Однако в связи с тем, что интернет-травля относится к формам психологического насилия, а вред, нанесенный жертве, выражается в психологических последствиях, речь идет о субъективности понятия [11, с. 123].

Согласно исследованиям Т.А. Газизьянова, З.Р. Мансурова: «травля может стать причиной депрессии, апатии и повышенного уровня тревоги, а также появления психических расстройств. Жертвы кибербуллинга могут испытывать чувство изоляции, стыда и низкой самооценки. В тяжелых случаях кибербуллинг приводит к суицидальным мыслям или попыткам самоубийства [12, с. 91]. Некоторые люди могут быть более восприимчивы к травле в сети интернет из-за ранее существовавших психических проблем, таких как тревога или депрессия. Точно так же люди, которые пережили психологическую травму или жестокое обращение, могут с большей вероятностью стать жертвами кибербуллинга. В некоторых случаях кибербуллинг становится проявлением более широких проблем (в том числе социальных), таких как систематическое угнетение или дискриминация».

Безнаказанность и анонимность агрессоров в интернет-пространстве предоставляют им возможность не только устрашать своих жертв, усиливать чувство беспомощности и уязвимости, но и вызывать у них состояния тревоги или паранойи. Это состояние проявляется в постоянном ожидании атак там, где они на самом деле отсутствуют, и в ощущении полной бессилия в борьбе с такими нападками. В результате, агрессоры могут существенно повлиять на качество жизни своих жертв, разрушая различные аспекты их жизни [13, с. 791-793].

В виду отсутствия правового регулирования кибербуллинга, как отдельного явления, в отечественном законодательстве достаточно размыты границы юридической ответственности за травлю в интернете.

Существуют отдельные нормативные правовые акты, позволяющие регулировать некоторые положения данного явления, однако законодателю необходимо обозначить, какая травля преследуется законом, а какая является лишь социальным явлением негативной коммуникации между людьми.

Общественная опасность кибербуллинга с юридической точки зрения заключается в посягательстве на жизнь и здоровье, свободы, чести и достоинства личности. Систематическая интернет-травля, регулярные угрозы, клевета и оскорбления могут склонить жертву к самоубийству, тогда в действиях кибербуллера будут усматриваться признаки состава преступления в соответствии со статьей 110 Уголовного Кодекса Российской Федерации – доведение до самоубийства («как тяжкое последствие проявленных систематических психологических издевательств над жертвой»); ст. 110.1–110.2 УК РФ – «склонение к совершению самоубийства, а также организация деятельности, направленной на побуждение к самоубийству». 0

Угроза киберагрессора убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, например, если агрессор занимался stalkingом и завладел персональной информацией о месте проживания жертвы, или другими деталями частной жизни, ее персональными данными, квалифицируется в законодательстве Российской Федерации в соответствии со статьей 119 УК РФ.

Наряду с этим Уголовный Кодекс Российской Федерации регулирует кибербуллинг в части касающейся «распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию», так диспозиция ч. 2 ст. 128.1 Клевета УК РФ подразумевает «клевету, содержащуюся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо

совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть интернет» [14, с. 162].

Наиболее подходящая диспозиция для действий связанных с кибербуллингом содержится в статье 282 УК РФ Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11, «публично совершенными действиями по смыслу статьи 282 УК РФ признаются действия, совершенные в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая интернет, и иные подобные действия. Если пост или комментарий может прочитать большое количество людей, то такой пост является публичным» [15, с. 28].

При этом необходимо подчеркнуть, что на данный момент судебная практика урегулирования общественных отношений в области кибербуллинга в Российской Федерации незначительна. Однако, согласно заявлению депутата Государственной Думы Я.В. Лантратовой: «в ноябре 2023 года заработала комиссия, созданная с целью разработки законопроекта по борьбе с кибербуллингом».

Заключение. Анализируя этимологию, критерии и виды кибербуллинга, правовое понятие термина можно сформулировать как действия, совершенные анонимно или публично в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая интернет, направленные на систематическое психологическое издевательство над жертвой посредством сообщений, содержащих угрозы, оскорбления; публикаций (угрозы публикаций) сведений, порочащих честь и достоинство жертвы, в том числе при помощи незаконного завладения ее персональными данными; социального бойкотирования; преследований и угрозы физического насилия; повлекшее угнетенное психологическое состояние или появление психических расстройств у пострадавшего.

В рамках борьбы с кибертравлей некоторые развитые зарубежные страны внедряют правовые нормы, регламентирующие вопросы

кибербуллинга. Например, в Италии, Южной Корее и Новой Зеландии приняты нормативные правовые акты, регулирующие поведение субъектов в интернете и запрещающие интернет-травлю. Так, в Новой Зеландии в 2015 году был принят Закон о вредных цифровых коммуникациях [16].

Необходимость правового регулирования интернет-травли в Российской Федерации обусловлена в том числе тем, что основными жертвами интернет-травли нередко становятся лица, не достигшие совершеннолетнего возраста [17, с. 37]. Однако в последние годы в России предпринимаются попытки регулирования отношений пользователей в сети интернет. Одним из инструментов в этой борьбе стала Лига безопасного интернета (далее – ЛБИ), созданная в 2011 году при поддержке Минкомсвязи России, МВД России, Комитета Государственной Думы РФ по вопросам семьи, женщин и детей, целью которой является искоренение опасного контента путем самоорганизации профессионального сообщества, участников интернет-рынка и рядовых пользователей [18, с. 94]. Однако деятельность ЛБИ является лишь одним из инструментов борьбы с кибербуллингом. Для более эффективной защиты несовершеннолетних от онлайн-травли требуется комплексный подход, включающий правовые нормы, технические решения и образовательную работу.

Разработка и внедрение отдельного нормативного правового акта по противодействию кибербуллинга позволит охватить все специфические особенности травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и юридически защитить участников коммуникации в сети интернет от киберагрессии, обеспечив баланс между безопасностью и правами пользователей.

Библиографический список:

1. Амирова Д.К., Куницына Ю.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за кибербуллинг // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 1 (13). С. 12-16.).
2. Стукало И. С. Определение понятия кибербуллинга на основании исследований зарубежных и отечественных ученых // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 218--220. URL: <https://moluch.ru/archive/292/66081/>
3. Кривцова С.В. Школьный буллинг: прояснение понятий / С. В. Кривцова, А. Н. Шапкина, М. П. Малыгина. - (Методология и теория). - Текст : непосредственный // Вопросы психологии. - 2019. - № 3. - С. 17-28. - Библиогр.: с. 27-28 (35 назв.). - References in Russian: с. 28 (12 the names). - ISSN 0042-8841.
4. Jimerson S.R., Swearer S.M., Espelage D.L. In The Handbook of Bullying in Schools: An International Perspective— Текст : электронный // New York: Routledge (2010, pp. 377-401): URL: https://www.researchgate.net/publication/285822219_The_Olweus_Bullying_Prevention_Program_Implementation_and_evaluation_over_two_decades/
5. Olweus D. (1997) Bully/Victim Problems in School // European Journal of Psychology of Education. Vol. 7. No 4. P. 495–510. doi:10.1007/BF03172807
6. Бабурин В.В. Травля в информационном пространстве кибербуллинг и виктимность малолетних и несовершеннолетних лиц / В.В. Бабурин, Н.А. Черемнова // Алтайский юридический вестник. - 2022. - № 3(39). - С. 55-60.
7. Menesini E, Nocentini A, Palladino BE, Frisén A, Berne S, Ortega-Ruiz R, Calmaestra J, Scheithauer H, Schultze-Krumbholz A, Luik P, Naruskov K, Blaya C, Berthaud J, Smith PK. Cyberbullying definition among adolescents: a comparison across six European countries. Cyberpsychol Behav Soc Netw. 2012 Sep;15(9):455-63. doi: 10.1089/cyber.2012.0040. Epub 2012 Jul 20. PMID: 22817693; PMCID: PMC3443335.

8. Могунова М.М. Кибербуллинг как новая опасность / М.М. Моргунова // Вестник СГУ им. М. Козыбаева. 2021. - № 2(51). - С. 99-106.
9. Тиркашева Г.М. Кибербуллинг среди детей: понятие, современные формы и защитные механизмы // ORIENSS. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-sredi-detey-ponyatie-sovremennye-formy-i-zaschitnye-mehanizmy> (дата обращения: 16.10.2024).
10. Коданева С.И. Кибербуллинг: причины явления и методы предупреждения // Социальные новации и социальные науки. 2020. №1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-prichiny-yavleniya-i-metody-preduprezhdeniya>
11. Зинцова А.С. Социальная профилактика кибербуллинга / А.С. Зинцова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского - 2014. -№ 3. - С. 122 - 128.
12. Газизьянов Т.А., Мансурова З.Р. Психология кибербуллинга. Виды и причины кибербуллинга / Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16). С. 89-92.)
13. Piñuel I., González Ju.F. (ed.). El acosador es una persona poco brillante. Mobbing OPINION. Medicine: URL: https://web.archive.org/web/20100822012233/http://mobbingopinion.bpweb.net/artman/publish/article_238.shtml.
14. Чич Ю.А. Уголовно-правовая характеристика кибербуллинга - травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5. С. 160-164. URL:<https://doi.org/10.24158/tipor.2023.5.24>.
15. Ложкина, Т. Е. Правовое регулирование кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т. Е. Ложкина, Е. В. Могилёва, А. С. Первакова // Право. Экономика. Психология. – 2022. – № 2(26). – С. 24–29.
16. Harmful Digital Communications Bill (168-2) // New Zealand Parliament. URL: <https://www.parliament.nz/en/pb/bills-and-laws/bills->

[digests/document/50PLLaw21041/harmful-digital-communications-bill-2013-bills-digest](#) (дата обращения: 23.10.2024).

17. Башмакова Е. А. Факторы и социальные причины буллинга и кибербуллинга в подростковом возрасте / Е. А. Башмакова, Е. А. Дегтярев // Проблемы современного педагогического образования. - 2021. - № 71-1. - С. 36-38.

18. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А., Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-aspekty-kiberbullinga> (дата обращения: 23.10.2024).

Bibliograficheskiy spisok:

1. Amirova D.K., Kunicyna YU.V. K voprosu ob ustanovlenii ugolovnoj otvetstvennosti za kiberbulling // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. T. 7. № 1 (13). S. 12-16.).
2. Stukalo I. S. Opredelenie ponyatiya kiberbullinga na osnovanii issledovaniy zarubezhnyh i otechestvennyh uchenykh // Molodoj uchenyj. 2020. № 2 (292). S. 218--220. URL: <https://moluch.ru/archive/292/66081/>
3. Krivcova S.V. SHkol'nyj bulling: proyasnienie ponyatij / S. V. Krivcova, A. N. SHapkina, M. P. Malygina. - (Metodologiya i teoriya). - Tekst : neposredstvennyj // Voprosy psihologii. - 2019. - № 3. - S. 17-28. - Bibliogr.: s. 27-28 (35 nazv.). - References in Russian: s. 28 (12 the names). - ISSN 0042-8841.
4. Jimerson S.R., Swearer S.M., Espelage D.L. In The Handbook of Bullying in Schools: An International Perspective— Tekst : elektronnyj // New York: Routledge (2010, pp. 377-401): URL: https://www.researchgate.net/publication/285822219_The_Olweus_Bullying_Prevention_Program_Implementation_and_evaluation_over_two_decades/
5. Olweus D. (1997) Bully/Victim Problems in School // European Journal of Psychology of Education. Vol. 7. No 4. P. 495–510. doi:10.1007/BF03172807
6. Baburin V.V. Travlya v informacionnom prostranstve kiberbulling i viktimnost' maloletnih i nesovershennoletnih lic / V.V. Baburin, N.A. CHeremnova // Altajskiy yuridicheskij vestnik. - 2022. - № 3(39). - S. 55-60.
7. Menesini E, Nocentini A, Palladino BE, Frisén A, Berne S, Ortega-Ruiz R, Calmaestra J, Scheithauer H, Schultze-Krumbholz A, Luik P, Naruskov K, Blaya C, Berthaud J, Smith PK. Cyberbullying definition among adolescents: a comparison across six European countries. Cyberpsychol Behav Soc Netw. 2012 Sep;15(9):455-63. doi: 10.1089/cyber.2012.0040. Epub 2012 Jul 20. PMID: 22817693; PMCID: PMC3443335.
8. Mogunova M.M. Kiberbulling kak novaya opasnost' / M.M. Morgunova // Vestnik SGU im. M. Kozybaeva. 2021. - № 2(51). - S. 99-106.

9. Tirkasheva G.M. Kiberbulling sredi detej: ponyatie, sovremennye formy i zashchitnye mekhanizmy // ORIENSS. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-sredi-detey-ponyatie-sovremennye-formy-i-zashchitnye-mekhanizmy> (data obrashcheniya: 16.10.2024).

10. Kodaneva S.I. Kiberbulling: prichiny yavleniya i metody preduprezhdeniya // Social'nye novacii i social'nye nauki. 2020. №1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-prichiny-yavleniya-i-metody-preduprezhdeniya>

11. Zincova A.S. Social'naya profilaktika kiberbullinga / A.S. Zincova // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo - 2014. -№ 3. - S. 122 - 128.

12. Gaziz'yanov T.A., Mansurova Z.R. Psihologiya kiberbullinga. Vidy i prichiny kiberbullinga / Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. 2023. № 4 (16). S. 89-92.)

13. Piñuel I., González Ju.F. (ed.). El acosador es una persona poco brillante. Mobbing OPINION. Medicine: URL: https://web.archive.org/web/20100822012233/http://mobbingopinion.bpweb.net/artman/publish/article_238.shtml.

14. CHich YU.A. Ugolovno-pravovaya harakteristika kiberbullinga - travli s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. № 5. C. 160-164. URL:<https://doi.org/10.24158/tipor.2023.5.24>.

15. Lozhkina, T. E. Pravovoe regulirovanie kiberbullinga v Rossii i zarubezhnyh stranah / T. E. Lozhkina, E. V. Mogilyova, A. S. Pervakova // Pravo. Ekonomika. Psihologiya. – 2022. – № 2(26). – S. 24–29.

16. The Bill on harmful digital communications (168-2) // Parliament of New Zealand. URL: <https://www.parliament.nz/en/pb/bills-and-laws/bills-digests/document/50PLLaw21041/harmful-digital-communications-bill-2013-bills-digest> (date of application: 10/23/2024).

17. Bashmakova E. A. Faktory i social'nye prichiny bullinga i kiberbullinga v podrostkovom vozraste / E. A. Bashmakova, E. A. Degtyarev // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. - 2021. - № 71-1. - S. 36-38.

18. Bochkareva E.V., Stenin D.A., Theoretical and legal aspects of cyberbullying // All-Russian Journal of Criminology. 2021. No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-aspekty-kiberbullinga> (date of application: 10/23/2024).

Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. Заявляем об отсутствии конфликта интересов, связанного с публикацией данной статьи в журнале “Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России”. Разрешаем размещение полнотекстовой версии статьи, а также её частей в открытом доступе в сети Интернет, а также на официальных каналах журнала в социальных сетях. При создании статьи не использовались возможности искусственного интеллекта.

Е.А. Ларионова

01.10.2024

А.В. Кочубей

01.10.2024